

бытия русского народа, убивает не традицию, а внутренний мир человека, все больше отдаляет его от Бога, а значит и от разрешения важнейшей задачи, перед которой стоит как отдельный индивидуум, так и человечество в целом.

Литература

1 См. подробнее: Габдуллина, В.И. «Блудный сын» как модель поведения: евангельский мотив в тексте биографии и творчества Ф.М. Достоевского / В. И. Габдуллина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Серия : Гуманитарные науки (Филология). – № 6 (49). – 2005. – С. 16–21.

2 Пушкин, А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. / А. С. Пушкин. – М. : Правда, 1981. – 446 с.

3 Лесков, Н. С. Собр.соч. в 11 т. Т.2 / Н. С. Лесков. – М. : Худож. литер, 1956. – 758 с.

4 Лесков, Н. С. Собр.соч. в 11 т. Т.10 / Н. С. Лесков. – М. : Худож. литер, 1958. – 598 с.

УДК 821.161.3 Бородулин'06-1

С. Б. Цыбакова

Композиционное и жанрово-стилевое своеобразие стихотворно-дидактического цикла Р. Бородулина «Трыкірый»

В статье рассматриваются композиционные и жанрово-стилевые особенности, характеризующие поэтику стихотворно-дидактического цикла из книги Р. Бородулина «Евангелле ад Мамы» «Трыкірый». Взяв за основу учительные изречения из Книги Книг, белорусский поэт развил их глубинный нравственно-философский смысл, вследствие чего стихотворения, составившие «Трыкірый», приобрели особую, передающую мир духовных устремлений и поисков автора интеллектуальную и лирическую окраску. Заслугой Р. Бородулина является мастерское донесение до современного читательского сознания непреходящей нравственной и эстетической значимости учительного библейского слова, неисчерпаемых возможностей его использования в литературном творчестве.

Стихотворно-дидактический цикл «Трыкірый» – составная часть книги народного поэта Беларуси Р. Бородулина «Евангелле ад Мамы». В проникнутых исповедальным духом лирических строчках, открывающих произведение, автор обращается к Библии как к исключительно по силе воздействия на своё сознание источнику душеполезного знания:

Як у сцюдзёную раку,
Памалу ў Біблію заходжу,
Бо веру, што душу злагоджу,
І думаю, бяду ўраку [1, с. 5].

В основу «Трыкірыя» положены мотивы отдельных учительных текстов и фрагментов Священного Писания. Передача Божьих заповедей, заветов добра, милосердия и праведности приобретает в его строках особую, отражающую мир духовных устремлений автора эмоциональную и интеллектуальную окраску. Р. Бородулин выступает одновременно и как поэт-наставник и как философ-лирик, передающий читателю опыт внутреннего, сокровенного постижения тайн библейской мудрости и Премудрости.

В композиционном отношении произведение состоит из трех разделов. Каждый из них строится как последовательная и вместе с тем достаточно свободная, развёрнутая интерпретация учительных изречений из «Книги Екклесиаста, или Проповедника», «Притчей Соломоновых» и текстов «Посланий» святого апостола Павла. Число «три» является для Р. Бородулина священным. «Трыкірый», – разъясняет он, – это:

Тры свечкі святла
Айца й Сына й Духа Святога.
Тры полымі вера звяла
У полымя сэрца Бога.

Трысвечча.
Трохкутнік.
Трысцё.
Трысцен.
Трыадзінства.
Трыпутнік.
Спрадвечча.
Прадонне.
Жыццё.

І раскрыжаваны пакутнік [1, с. 6].

Следуя путём духовных размышлений и наставлений древних мудрецов, проповедников Слова Божьего, поэт стремится направить помыслы современников от материального и суетного к горнему, вечному. По своей жанровой природе «Трыкірый» относится к произведениям этико-дидактического, учительного характера. Его основной целью является исправление человека, предостережение людей от богопротивных намерений и дел, наставление их на путь истины и добра. Нравственно-философские положения-сентенции из «Книги Екклесиаста, или Проповедника», «Притчей Соломона» (Ветхий Завет), заповеди святого апостола Павла (Новый Завет) Р. Бородулин берет в качестве отправного пункта для создания соответствующих им по идейному смыслу образных рядов. Отдельные, наиболее выразительные по своей интеллектуальной насыщенности библейские притчи-изречения и этические императивы получают в «Трыкірыі» проникнутое пафосом авторского, субъективно-эмоционального переживания истолкование. Так, в первом разделе («Следам Эклезіяста») Р. Бородулин, развивая мысль о бренности бытия, знаменитый лейтмотив «суеты сует» и «томления духа», выражает свои, проистекающие из опыта повседневных наблюдений представления о человеке и о его земной участи:

Усё – пачатак тла і лоўля дзьмушак,
І млоснасць духу – усё лухта лухты.
Спадаюць дні, як ягады ў гарнушак,
І мы – як з дрэва існасці лісты.

Ёсць марны дол – карэе ў ім карэнне,
Ёсць неба мары – ў ім шумяць вярхі.
І кожны долю сам сваю сустрэне,
І знойдуць самі кожнага грахі [1, с. 7].

Интонации пессимистические, вызванные горьким осознанием неотвратимости страданий и смерти, перемежаются с обращениями, призывающими людей наслаждаться светлыми мгновениями жизни, ценить любые, пускай и кратковременные земные радости:

Адпускай свой хлеб па ўдзячных водах,
Каб яго знайшлі па сплыве дзён.
Памятай бяды галодны подых.
Цешся, покуль жорны круціць млён [1, с. 10].

Ср.:

Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его. Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая беда будет на земле (Еккл. 11:1,2).

Як Бог да цябе не аслеп
І лёгка анёл твой лётае,
Еш свой з весялосцю хлеб,
Пі ў радасці сэрца віно тваё [1, с. 19]

Ср.:

Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволил к делам твоим (Еккл. 9:7).

Настрой з весялосцю жані,
Пакуль твая доўжыцца рата.
І помні пра цёмныя дні.
Іх будзе ў цябе багата [1, с. 20]

Ср.:

Если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях темных, которых будет много: все, что будет, – суета! (Еккл. 11:8).

Пафос нравственного дидактизма составляет наиболее примечательную особенность содержания срединного и заключительного разделов «Трыкірья». Он связан с пониманием поэтом тайн мудрости и Премудрости в Священном Писании. По словам библииста Роберта Б. Й. Скотта, «Книга Екклесиаста» и «Притчи Соломона» представляют традицию «школы Еврейской мудрости» [2]. «Мудрость, – отмечает Роберт Б. Й. Скотт, – учила практической религиозной философии, благодаря которой достойный человек мог найти удовлетворение в жизни в категориях нравственного порядка, утверждаемого посредством опыта» [2, с. 616]. Для стихотворений, вошедших в разделы «Следам Прыпавесцяў Саламонавых». і «Следам Апостала Паўла», характерно императивное оформление этической мысли. В большей мере наставительными интонациями проникнуты стихотворения второго раздела, который возник в результате творческого переосмысления поэтом мотивов ветхозаветной «Книги Притчей Соломоновых». Этот раздел открывается перефразированным автором утверждением Соломона о том, что «Начало мудрости – страх Господень» (Пс. 1:7). Страх Господень, понимаемый как внутреннее расположение души следовать Божьим заповедям и уклоняться от приводящих к греху страстей, поэт называет «вещим», т. е. священным, одухотворяющим естественную природу вещей:

Страх Господні – мудрасці пачатак.
Вешчы страх ва ўсім жывым жыве,
Ад смалы хмялеючы па шатах,
Ад спякоты млеючы ў траве.

Як пастух пільнуе, каб у шкоду
Думкі нашыя не забрылі,
Сеючы нябесную лагоду
На ўзаранай ім жа араллі [1, с. 22].

Следуя за Соломоном, автор «Трыкірья» порой отходит от консервативной и однозначной учительной позиции древнееврейского мудреца. Так, взяв за основу одного из стихотворений наставление Соломона: «ходи путем добрых и держись стезей праведников», Р. Бородулин не скрывает горькую истину о том, что всех идущих в этом мире по пути правды ожидают беды и трудности:

Сябе не шукай у хлудзі,
На іншых не звальвай віну ўсю.
Дарогаю добрых ідзі,
І сцежак праведнікаў пільнуйся.

Дарога добрых вядзе
Ў пакутнікі, ў пілігрымы,
Святую ў бядзе, ў жудзе
Яе не ўсцілаюць кілімы.

І сцежкі праведнікаў здаўна
Не збіты на жвір ступакамі.
Бо іх табе лёс даў на
Бяседу з небам, з вякамі [1, с. 22].

Однако в большинстве случаев поэт видит свою цель именно в том, чтобы раскрыть перед читателем сущность этики Соломона, личность которого в библейской и мировой духовной традиции является персонификацией мудрости. В целом, стихотворения, составившие раздел «Следам Прыпавесцяў Саламонавых», можно рассмотреть в качестве попытки современного поэта-интеллектуала постичь гуманность и философскую глубину выраженных великим умом древности нравственных заповедей.

Р. Бородулина привлекает соломоновский культ духовного разума и связанных с ним добродетелей праведности и благочестия. Библейский мудрец проповедует любовь к добру, осуждает ложь и неразумие, всевозможные разрушительные страсти и пороки, проистекающие от презрения Страха Божьего. Притчи-изречения, объединённые темой Божественной Премудрости и её тайны, перерастают у Р. Бородулина в развёрнутые образно-сюжетные иносказания. Нередко творческое переосмысление и обработка философской и дидактической мысли Соломона приводит поэта к новым по идейно-эмоциональному звучанию выводам и утверждениям. Так, сентенция Соломона о пользе молчания и о вреде пустословия как проявлении невежества и легкомыслия (Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою; а кто широко раскрывает свой рот, тому беда (ПС. 13:3)) поясняется метафорически, вследствие чего усиливается действенность её дидактического влияния на сознание читателя. Наставление обыденно-утилитарного характера перерастает в эмоционально-возвышенное утверждение автора «Трыкірыя» о том, что бесценный Божественный дар слова должен служить людям лишь на выражение добрых мыслей и возвышенных чувств:

Рызыка нырае на дно
Без развагі ды без ваганья.
Вусны можна будзіць адно
На малітву і на каханне [1, с. 28].

Тенденция к идейно-смысловой модификации изречений Соломона прослеживается также во многих других стихотворениях. В качестве примера рассмотрим ещё одно из них:

Хоць спадзе з абрысаў імгла,
Ды спасцігнуць ніхто не ўмее
І на небе дарогі арла,
На скале высцяжыны змея.

Вышынёю арол жыве,
Вывівастасцю – змей пачатку.
І цікаўнасць у рукаве,
Як вавёрку, трымае адгадку.

І даецца нам назусім
Таямніца вечара й рання.
Можа, й ёсць у гэтым усім
Сэнс нязмушанага бытавання [1, с. 30].

Последний катрен этого стихотворения, несомненно, рождается как продолжение высказанной Соломоном истины о существовании таких вещей и явлений, глубинная сущность которых навсегда сокрыта от познания человеческого: «Три вещи непостижимы для меня и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице» (ПС. 30: 18-19). Р. Бородулин придаёт соломоновской притче дополнительное идейное и эмоциональное звучание. Он находит во всем тайном, непостижимом для ума людей дар Божий, «сэнс нязмушанага бытавання».

В основу заключительного раздела «Трыкірыя» «Следам Апостола Паўла» положены притчи-заповеди апостола Павла, первого по своей активной деятельности христианского миссионера I столетия, даровитого писателя-богослова, систематизировавшего учение Христа. Лейтмотивом сочинений этого величайшего среди апостолов является идея праведности, спасения от грехов через веру в Христа и исповедание. В своих многочисленных Посланиях, по объёму занимающих 1/3 Нового Завета, апостол Павел проповедует отказ от образа жизни «истлевающего в обольстительных похотях» «ветхого человека», учит помышлять «о горнем, а не о земном», жить «не по плоти, а по духу».

Исключив императивы религиозно-аскетического и обрядового характера, Р. Бородулин сосредотачивает внимание на тех апостольских заповедях, которые ставят своей

целью внутреннее совершенствование человека, воспитание у него добродетелей милосердия, кротости, сострадательного отношения к ближнему. Обращаясь к читателю, поэт напоминает ему о кратковременности человеческой жизни, о связывающей всех людей узами первородного греха обречённости на страдание и смерть:

Адна ў небыццё і ў быццё дарога.
Усе мы жывём пад прыглядам Божым.
Бо мы не прынеслі на свет нічога
І вынесці, значыць, нічога не можам [10, с. 42].

За грэх, што пайшоў ад Адама й Евы,
Нясе пакуту зямная плоць.
І як мяняюць убор свой дрэвы,
Мяняе паству сваю Гасподзь [10, с. 39].
Однако, как праведников, так и грешников, после смерти ожидает Суд Божий:
І адпаведна кожнаму ў чару
Рабу й анёлу – нальецца ўшчэрць
На тым Судзе, што вызначыць кару.
Апошні вораг знішчыцца – смерць [1, с. 39].

Главной идеей третьего раздела «Трыкірыя» является проповедь альтруизма, самоотверженного человеколюбия, духовного единения людей. Не случайно, что именно в нем Р. Бародулин, вдохновлённый апостольскими заветами, обращается к образу матери. Все проявления материнского начала как источника жизни и любви сливаются в сознании поэта в единое целое. Символом пробуждения нравственных сил человека предстаёт в одном из стихотворений «малітва на матчынай мове»:

Халаднавата сэрцу ў мове чужой,
Нібыта ў неасвечаным храме,
Што поўніцца неабжытай імжой
І неўсвядомленымі дарами.

Малітва на матчынай мове адна
Госпаду, зорам і ніцым лозам –
Усім зразумела будзе да дна,
І ўсцешыць, і разварушыць розум [1, с. 38].

Иносказание в его различных формах вообще характерно для лирико-философской и вместе с тем дидактической поэтики «Трыкірыя». Аллегория и символ, сравнение и метафорический оборот, олицетворение и различные виды параллелизмов используются Р. Бародулиным в качестве основных способов образно-наглядного выражения библейской учительной мысли.

По оригинальности замысла, высокому уровню его творческой реализации «Трыкірый» принадлежит к числу наиболее новаторских, нетрадиционных как по форме, так и по идейно-эстетической направленности, произведений белорусской поэзии рубежа XX-XXI веков. Мастерство автора «Трыкірыя» заключается, прежде всего, в смелом, органичном сочетании дидактизма и лирических, душевно-исповедальных интонаций, в умелом раскрытии перед современным читателем непреходящей нравственной и эстетической ценности мудрого библейского слова.

Литература

1 Бародулін, Р. Трыкірый / Р. Бародулін // Евангелле ад Мамы : Кніга паэзіі. – Мінск : Маст. літ., 1995. – С. 5-46.

2 Скотт, Роберт Б. Й. Традиция и литература мудрости / Роберт Б. Й. Скотт // Библейские исследования : сборник статей. Вып. 1. Составитель – профессор Барух Дж. Шварц. – М. : Академическая серия, 1997. – С. 614-665.